

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МИР ЕВРАЗИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ
К СОВРЕМЕННОСТИ**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 12 марта 2021 г.)**

Том 1

**Уфа
РИЦ БашГУ
2021**

УДК 94
ББК 63.3(0)
М63

*Печатается по решению кафедры Зарубежной истории ИИГУ.
Протокол № 9 от 24.04.2021 г.*

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доцент **Н.А. Бессилин**;
канд. ист. наук, доцент **Р.Р. Тухватуллин** (*отв. редактор*);
канд. ист. наук, ст. преподаватель **Ю.С. Усова**;
канд. ист. наук, доцент **Р.Р. Хадимуллин**;
канд. ист. наук, доцент **А.О. Целищев**;
канд. ист. наук, доцент **Ф.Ф. Шаяхметов**
ассистент **О.Ю. Пономарева**

М63 Мир Евразии: от древности к современности:
сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 12.03. 2021 г.). Т. 1 / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 432 с.

ISBN

978-5-7477-5344-0

Сборник является продолжением традиции опубликования научных работ серии «От древности к новому времени: проблемы истории и археологии». Представляет интерес для исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется современными историческими, этнологическими, археологическими, философскими и общегуманитарными изысканиями.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов данного сборника.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-7477-5344-0

© БашГУ, 2021

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

УДК 930.9.01

DOI: 10.33184/meodks-2021-03-12.5

Д.А. Суровень
к. и. н., доцент
Россия, Екатеринбург, УрГЮУ

D.A. Surovëñ
c. of h. s., associate professor
Russia, Ekaterinburg, USLU

ПЕРЕХОД К ПРОИЗВОДЯЩЕМУ ХОЗЯЙСТВУ В ПЕРВОБЫТНОЙ ЯПОНИИ

TRANSITION TO PRODUCING ECONOMY IN PRIMITIVE JAPAN

Аннотация: В статье характеризуется процесс перехода к производящему хозяйству в результате миграции на Японские острова аустронезийцев и аустроазиатов из Южного Китая, в результате чего на островах на полиэтнической основе сформировалась новая культура яёй, связанная с рисоводством и ранним металлом. Переход к производящему хозяйству вызвал быстрый рост численности населения Японии.

Abstract: The article describes the process of transition to a production economy as a result of migration to the Japanese islands of Austronesians and Austro-Asians from South China, as a result, a new Yayoi culture associated with rice and early metal was formed on a multi-ethnic basis on the islands. The transition to a productive economy caused a rapid growth in the population of Japan.

Ключевые слова: первобытная Япония, производящее хозяйство, культура яёй, рисоводство.
Key words: primitive Japan, producing economy, Yayoi culture, rice farming.

В результате миграции из Кореи в середине I тыс. до н.э. тунгусо-маньчжуров (предков народа *йдзумо*), аустронезийцев и аустроазиатов из Южного Китая (что подтверждается генетическими исследованиями)⁷ на Японских островах сформировались **три основных региона, население которых перешло от присваивающего хозяйства к производящему** [35, с. 42-43]. Это: (1) **Северный Кюсю (Цүкуси)** – самое раннее на островах рисосеяние; (2) **Западный Хонсю (Идзумо)** – возделывание проса, а позднее под влиянием аустроазиатского компонента – освоение рисосеяния; (3) **Центральный Хонсю (Кинай)** – распространение поливного рисосеяния. В это же время (с IV века до н.э.) в

⁷ Исследования гаплогрупп Y-хромосомы населения Южного Китая и Юго-Восточной Азии привели учёных к выводу о том, что Y-гаплогруппы O-M122 (т.е. O-M134 и O-LINE), а также последовательность O-M95 в пределах O-P31 пришли в Японию с распространением культуры *яёй* (начиная с 400 г. до н.э.). Высокая частота этих линий у населения юго-западной Японии, Кореи и Юго-Восточной Азии, вероятно, объясняет близость этого населения в поле MDS. Как было предложено учёными, вся гаплогруппа O должна происходить из Юго-Восточной Азии. Фактически, почти все генетические последовательности в пределах субклада O-M175*, кроме O-SRY₄₆₅ (см.: [45, р. 1-11]) и O-47z, присутствуют в их самой большой частоте (например, O-M95, O-P31*, M122*, O-LINE, O-M119) в Юго-Восточной Азии / Океании и, как было предложено учёными, должны были возникнуть в Южном Китае. Исследователи выдвинули гипотезу, что расселение неолитических земледельцев из Юго-Восточной Азии также принесли линии гаплогруппы O – в Корею и, в конечном счёте, в период *яёй* – в Японию ([42, р. 56]; см. также: 48, р. 480-495). Гаплогруппы O (51,8%3) были распределены с максимальной частотой на Кюсю с убыванием на острове Хонсю к северу (см.: [42, р. 50, 50 fig. 2; р. 51, 51 table 1; р. 52, 54; 54 fig. 5]).

Западной Японии [43, p. 139] на основе смешения старых и новых элементов начинается формирование новой культуры *яёй*⁸, связанной с **производящим хозяйством** [см.: 50, p. 207].

Но процесс перехода от присваивающего хозяйства к производящей экономике не был чем-то одномоментным. Исследования современных учёных показывают, что обитатели горных территорий ещё долго занимались суходольным подсечным земледелием⁹ вместе с охотой и собирательством. Население же прибрежных территорий вели специализированный морской промысел (рыболовство, собирательство водорослей, ракушек, выпаривание соли). Каждый из этих хозяйственных типов имел в большой степени специализированный характер, не был самодостаточным, что привело к развитию натурального обмена. Кроме данного обмена продуктами питания, рыболовецкий комплекс испытывал зависимость от внутренних районов в поставках древесины, использовавшейся как корабельный лес, и как топливо для приготовления пищи и выпаривания соли. К тому же, в отличие от населения Камчатки, Аляски или Океании, японские рыбаки не использовали ресурсы моря для получения средств производства (китовый ус, кость морских животных, раковины), целиком завися в этом от суши, в основном – от горных территорий (кость оленя для крючков, конопля, выющиеся растения и др. – для сетей и лесок) [28, с. 29-30]. Таким образом, в Японии того периода получили развитие три хозяйственно-культурных комплекса: морской (рыболовецкий), равнинный (земледельческий) и горный (охотничье–собирательно–земледельческий). Их близость друг к другу в условиях Японии предопределила возможность, и даже необходимость тесных контактов, что выразилось в ранней специализации типов хозяйствования [28, с. 24].

Как показывают исследования археологов, культурологов и лингвистов, культура *яёй* не является чисто южной культурой – этнически и культурно, кроме местного (айнского) и аустронезийского компонентов, она включала элементы культуры *донгшон* эпохи бронзы¹⁰ (Южный Китай и Северный Вьетнам), народов *юэ* (Южный Китай) [22, с. 199] и Восточно-китайского побережья¹¹, культурные и этнические индонезийские компоненты [5, с. 59]. Кроме того, восточные монголоиды (тунгусо-маньчжуры) приняли активное участие в формировании культуры *яёй* [4, с. 105].

Расцвет культуры *яёй* тесно связан с разведением поливного риса (то есть с

⁸弥生 яп. *яёй* – культура названа по наименованию улицы в Токио, где были найдены её материальные остатки [10, с. 211; 35, с. 51; 29, с. С.282; 46, p. 5].

⁹ Подсечное земледелие достаточно широко было распространено в горных территориях Японии вплоть до Второй мировой войны. Обаяси Тарё, вслед за Киёума Кадзутаке, пытаясь объяснить причины столь долгого существования подсечного земледелия, указывает на кислотность почв во многих горных регионах, плодородие которых при традиционных методах хозяйствования (т.е. при отсутствии извести и удобрений) могло поддерживаться только с помощью выжигания растительного покрова. При этом более интенсивный (по сравнению с континентальной Евразией) характер вегетации японской растительности обеспечивал более короткий период восстановления естественного плодородия (в Японии минимальный период восстановления составляет 10 лет) [28, с. 55, п. 8].

¹⁰ Наиболее близкие аналогии бронзовых колоколов (*дбтаку*) обнаружены в Кинай и в Корее (имеющие параллели в бронзовых колоколах *донгшонской* культуры, V–II века до н.э.) [8, с. 103].

¹¹ Исследователи указывают на сходство культуры *вожэнь* (по «Вэй-чжи») и культуры Юго-восточного Китая. В этом случае, по их мнению, важные свидетельства могут быть получены при изучении культур государств У и Юэ в период до того, как Цзянь-нань вошла в состав китайской империи [49, p. 2].

производящим хозяйством). Тип ирригации, характерные орудия труда, религиозные обряды и церемонии, связанные с поливным рисом, одинаковы во всем ареале: в материковой Юго-Восточной Азии и в островной Индонезии [5, с. 58]. Природные условия Японских островов оказались весьма подходящими для рисоводства (сравнительно тёплый и влажный климат, обилие водных ресурсов). С другой стороны, различие природных условий, сложный рельеф местности и ограниченность площади равнинных участков, используемых для земледелия, делали сельскохозяйственное освоение всей территории Японских островов весьма трудоёмким делом [28, с. 28]. Современные учёные указывают на долгие существование культуры поливного рисосеяния с культивированием суходольных культур (гречихи, проса, чумизы, красной фасоли, сои, батата и т.п.). Однако общим направлением развития хозяйства в Японии было расширение посевов риса и постепенное вытеснение менее эффективных в условиях японского архипелага сельскохозяйственных культур [28, с. 25].¹²

Энеолитические пришельцы привезли с собой домашнюю лошадь и корову, возвели на новую, высшую ступень технику обработки камня (шлифованные топоры и тёсла с отверстиями, шлифованные наконечники стрел из шифера) [28, с. 42]. Для *яёй* характерны более простые по форме и совершенные по техникетипы керамики [1, с. 138; 46, р. 7; 51, р. 7], изготавливаемые на гончарном круге [22, с. 183]. Орудия сельского хозяйства изготавливались из камня и дерева: каменные мотыги, каменные жертвенные ножи полулунной формы [6, с. 396]. Переселенцы не оторвались от корейско-приморского этнокультурного региона и имели с ним общую линию развития [1, с. 142; 19, с. 62; 12, с. 23] – через Корею проникает в Японию влияние китайской металлургии бронзы, которое достигает даже северных районов Хонсю [22, с. 186]. Особенно наглядно влияние классового общества Китая на первобытную периферию Японских островов видно в области обработки металлов. Медь и бронза на архипелаге появляются одновременно¹³ (почти все находки ранних литейных форм – на северо-западном Кюсю) [22, с. 184], и почти сразу (около 200 года до н.э.) [44, р. 8] появляется привозное железо (на Кюсю) [44, р. 47, 51; 52, р. 22, 15, 18; см.: 35, с. 14; 26, с. 11; 27, с. 162; 30, с. 102-103; 41, р. 3; 18, с. 278; 37, с. 28-29, 30; 47, р. 20; 51, р. 8] (в Китае железо начинает применяться в сельском хозяйстве с VI–IV веков до н.э.)¹⁴ [13, с. 365; см.: 11, с. 34, 35]. Несмотря на то, что период *яёй* – время сосуществования каменных, бронзовых и железных орудий [21, с. 13; 4, с. 60; 28, с. 28], эту культуру рассматривают как энеолитическую (на ранней стадии),

¹² Причина в том, что поливное рисосеяние практически не требует удобрений. Ограниченность территории, пригодной для ведения интенсивного производящего хозяйства, не позволяла на Японских островах широко развиваться скотоводству, служащему в доиндустриальном обществе основным источником удобрений, без чего затруднено ведение высокоэффективного хозяйства, способного обеспечивать прирост населения. В средневековой Европе именно потребность в поднятии урожайности стимулировала разведение скота. Ещё одним фактором, не способствовавшим широкому развитию скотоводства (в данном случае уже как источнику белковой пищи), было наличие высокоэффективного рыболовства. Прибрежные воды Японии обеспечивали большие уловы, а небольшая протяжённость коммуникаций приводила к тому, что морепродукты были доступны для обитателей равнин и гор [28, с. 25].

¹³ Переселенцы с Корейского полуострова принесли в Японию бронзу и медь [14, с. 11; 2, с. 427]; см.: [2, с. 434].

¹⁴ Другие данные о времени появления металлургии железа в Восточной Азии: в Китае перешли к употреблению железа в VII–VI вв. до н.э., в Корее – VII–V вв. до н.э. [14, с. 11].

вступившую затем в бронзовый век [1, с. 140], и только лишь в III веке н.э. её сменяет культура *кофун* раннего железного века [32, с. 857].

«Кодзики» и «Нихон-сёки» называют местом «сошествия» Ниниги остров Цукуси (Кюсю). Археологические данные говорят, что связанные с поливным рисосеянием постоянные поселения первоначально возникли на Северном Кюсю¹⁵: самые древнейшие памятники *яёй* находятся в долине реки *Онга* (северо-запад Кюсю) [35, с. 14, 43; 4, с. 40]. Дальнейшее расселение привело к тому, что памятники *яёй* появились далеко на востоке; они группируются в четырёх районах: 1) Северный Кюсю; 2) побережье Внутреннего моря – на острове Сикоку и в Тюгоку; 3) в Кинки (Кинай); 4) на границе между Токай и Канто [4, с. 40].

Земледельческие поселения располагались на равнинах и, чаще всего, на легко затопляемых участках, пригодных для рисосеяния, в местах несколько выше болота, в том месте, где равнина переходит в заболоченную местность [33, с. 19; 9, с. 28]. Население, занимавшееся рисосеянием, жило подолгу на одном месте. Жилища (типа *татэана*)¹⁶ представляли собой почти наземные сооружения из жердей, тростника, ветвей, засыпанных землей, имевшие небольшую подземную часть – ямы круглой формы, глубиной 30-100 см и диаметром 4-10 м¹⁷ площадью 25-30 кв.м на 8-10 человек [9, с. 64; 24, с. 25; 7, с. 53]. (Хотя у древнеяпонского населения землянки к этому времени уже сменились наземным жилищем [1, с. 66]). Позднее предки японцев стали отказываться от землянок, они перешли к наземным свайным постройкам (*такаюка*)¹⁸ из дерева, с высоко поднятым полом (для защиты от сырости, диких животных и грызунов), на столбах и с двускатной крышей, иногда с верандой. *Такаюка*, первоначально использовавшиеся как зернохранилища [5, с. 237; 33, с. 27, 28], теперь стали использоваться как “дворцы” (дома знати) и храмы [21, с. 16].¹⁹

Поток переселенцев был достаточно большим (хотя местное население Японских островов в начале периода *яёй* составляло до 1 миллиона человек [28, с. 54, п. 6]). Мигранты поначалу не встретили на своём пути существенных природно-естественных и культурных препятствий. Скорость распространения поливного земледелия, принесенного в Японию в виде готового хозяйственного комплекса, и его ареал – производит впечатление. Культура поливного рисосеяния, получив первоначально распространение в северном Кюсю, а затем достаточно быстро освоив Западную Японию, в течение лишь около полувека достигла восточного побережья острова Хонсю (префектура Айти) и побережья Японского моря в районе залива Вакаса. Заливные поля для возделывания риса

¹⁵ Остров Кюсю – территория, где впервые на Японских островах распространилась континентальная культура риса (северокитайского или южнокитайско-индокитайского типа); это место, где зародилась японская разновидность риса [5, с. 100; 36, с. 14].

¹⁶ 竪穴 яп. *татэана* – досл. “вертикальная яма (нора)” [31, с. 75; 21, с. 15].

¹⁷ О формах, размерах, конструкции см.: о *татэана* круглой формы [17, с. 48]; о *татэана* квадратной формы [17, с. 50]; о *татэана* овальной формы [17, с. 52]; см.: [4, с. 62; 33, с. 27, 36-37; 41-48; 52, р. 11].

¹⁸ О формах, размерах и конструкции *такаюка* (高床 досл. “высокий пол”) см.: [17, с. 54]; конструкция жилищ (дома на высоких сваях) отчётливо указывает на черты южного происхождения в культуре протояпонцев [6, с. 397; 21, с. 16]; см. также: [33, с. 40].

¹⁹ Примером таких древних строений, сохранивших особенности архаических конструкций, являются святилища в Идзумо и Исэ.

периода *яёй* были найдены в 1988 году при проведении археологических исследований даже в префектуре Аомори [28, с. 28] (область на побережье северного Хонсю напротив острова Хоккайдо). Однако культура *яёй* не охватывала острова Хоккайдо и Окинава. Там не привилось поливное рисосеяние и связанный с ним культурный комплекс, а продолжались традиции культуры *дзёмон*, что и предопределило их более медленное развитие и историческое отставание. На Хоккайдо климат не благоприятен для рисоводства, а рыбные ресурсы настолько богаты, что не способствовали переходу к более интенсивным способам хозяйствования. Касательно острова Окинава, как предположил А.Н. Мещеряков – быстрый переход к производящему хозяйству, наблюдавшийся на основной территории Японии, был возможен только в условиях притока значительного числа переселенцев. Их же вынуждали к миграции неблагоприятные климатические и социальные факторы. Обретя землю на Кюсю, Хонсю и Сикоку, мигранты утратили всякий стимул к дальнейшему переселению на острова Рюкю [28, с. 29].

При расселении по архипелагу носителей культуры *яёй* в Северном Кюсю и провинции Нагато (юго-западная оконечность Хонсю) преобладали пришлые элементы. Здесь переселенцы с материка не растворились в гуще местного населения и не порвали связей с Южной Кореей [5, с. 59]. Распространение культуры *яёй* на Хонсю не было равномерным. И если в юго-западной части Японских островов рисоводство приживается очень быстро, то в восточной части острова Хонсю этот процесс шёл более медленно. При движении этих мигрантов на восток – по северному и южному краям Хонсю – по мере удаления от первоначальной территории выселения на Северном Кюсю их влияние ослабевало. В Кинай эти носители культуры *яёй* имели уже более слабые связи с Северным Кюсю, чем связи Северного Кюсю с Южной Кореей. Здесь наблюдалось спокойное развитие культуры *яёй*, включавшей многие местные черты. В центральном Хонсю коренные жители преобладали над переселенцами и относились к аустронезийским народам или смешанному южноазиатскому этносу [5, с. 59].

Видимо, здесь имели влияние, по меньшей мере, два фактора. (1) Рисосеяние в северо-восточной части Японии в силу климата менее результативно, нежели в юго-западной части Японии; (2) так как условия для собирательства были более благоприятными в северо-восточной части Японии, то и плотность населения этой части островов в период *дзёмон* была выше (тихоокеанское побережье восточного Хонсю обладало намного большей продуктивностью, чем западное побережье Хонсю, поэтому в период *дзёмон* восточное побережье стало хозяйственным центром архипелага [28, с. 25]). Поэтому здесь носители культурного комплекса *яёй* неминуемо должны были встретиться с более сильной культурной инерцией местного населения, чем на юго-западе Японии. Не случайно поэтому, что в период *яёй* центр хозяйственной жизни Японских островов сместился к югу, где быстрыми темпами увеличивалась плотность населения, численность которого к концу периода *яёй* уже превысило численность населения восточной Японии [28, с. 29]. На этой основе начинают

складываться два культурных центра *яёй*: (1) в северном Кюсю (культура бронзовых мечей и копий); и (2) центральном Хонсю (культура бронзовых церемониальных колоколов *дōтаку*) [12, с. 23; 26, с. 162, 165-166, 170; 33, с. 304; 34, с. 9; 20, с.111-113; 35, с. 14, 16; 23, с. 274; 53, р. 123, 124].

Таким образом, в результате миграции этногрупп из Кореи и, отчасти, из Китая произошёл **переход от присваивающей экономики к производящей**. Это вызвало бурный рост населения на архипелаге. Археолог Яманоути Сугао приблизительно подсчитал население Японии до появления культуры *яёй* (земледелия), назвав число в 120 тысяч человек. Варгё Ларс называет 120-250 тысяч человек. Сэридзава Тёсүкэ предложил цифру около 150-350 тысяч человек. Ханихара Кадзуо, Кояма Сюдзо и А.Н. Мещеряков придерживаются численности в 1 миллион человек [28, с. 27; с. 54, п. 6]. К концу периода *яёй* (III век н.э.) в Японии проживало 1,5–4,5 миллиона обитателей (в среднем около 3 миллионов человек [28, с. 29]) – пяти- – десятикратный рост по сравнению с населением островов периода *дзёмон*. Подобного больше не случалось вплоть до промышленного переворота эры *Мэйдзи* (после 1868 года) [41, р. 3; 52, р. 10].

С чем это связано? Реальная экономическая база первобытного общества на уровне присваивающего хозяйства широкая, даже больше, чем необходимо – в “раковинных кучах” (кухонных отходах) неолитических охотников, рыболовов и собирателей Японских островов найдены кости примерно 50 видов животных, обнаружены останки 353 видов съедобных моллюсков, кости пресноводных иморских рыб [21, с. 9; 26, с. 262; 9, с. 122; см.: 28, с. 27]. То есть, потребность в пище обеспечивалась – следовательно, вопрос не в производительности труда.

Однако присваивающее хозяйство очень ограничено в возможностях развития производительных сил. Во-первых, в присваивающем хозяйстве труд человека не способен влиять на предмет труда – охотник или собиратель берет у природы то, что есть; во-вторых, успех зависит от сохранения экологического баланса – иначе численность животных, растений и других источников пищи резко упадет, а за этим последует голод [39, с. 5]. Поэтому в результате ведения присваивающего хозяйства вырабатываются принципы взаимоотношений человека с природой, в том числе – и регулирования численности охотничьих и рыболовческих групп [39, с. 5-6]. Обычно они состояли из 10 -30 человек (в среднем в период *дзёмон* число людей на поселении составляло 25 человек [28, с. 29]). Но если количество членов этих групп превышало естественные нормы, то происходило: во-первых, или разделение группы, часть которой уходила осваивать новые территории; или же, во-вторых, проводилось регулирование численности путём прямого физического ограничения в виде: а) уничтожения младенцев [39, с. 8; 15, с. 439, 440]; б) снижения рождаемости; в) обычая ритуального убийства стариков.

Не доводя до максимума эксплуатацию естественных ресурсов природы, коллектив охотников и собирателей, тем самым, создавал естественный резерв ресурсов производства, условия для стабильности результатов трудовой деятельности. Таким образом, при присваивающем хозяйстве в комплексе средств

производства могут развиваться и совершенствоваться только орудия труда, и невозможно позитивное влияние на предмет труда. Затруднено при этом и развитие рабочей силы: качественно она может совершенствоваться, но количественно возрастая не может, так как её рост ограничен естественной способностью единицы площади охотничьей территории прокормить определенное количество людей [40, с. 6].

Следствием ограничения роста численности членов общины было то, что в малочисленных коллективах не возникало необходимости в отделении функций управления (организации производства) от производительных функций. А, значит, отсутствовала необходимость в разделении труда: отделения умственного труда от труда физического, непроизводительного труда от труда производительного, т.е. разделения в производстве на организаторов и производителей, что связано с нарастающим усложнением хозяйства и самой системы управления этим хозяйством. А это общественное разделение труда является одной из важнейших причин, лежит в основе перехода от доклассового (социально недифференцированного) общества к классовому (социально дифференцированному) [40, с. 5; 16, с. 140].

Переход к производящему хозяйству был новой стадией в развитии производительных сил и являлся первым экономическим условием перехода к классовому обществу [25, с. 52; 2, с. 14-15; 34, с. 7; 35, с. 42-43; 38. 241, 244; 16, с. 140]. Новая стадия связана с тем, что: во-первых, земледелие даёт возможность человеку влиять на предмет: землю, бросаемые в неё зерна, возможность селекции растений и животных [39, с. 6; 40, с. 6]; во-вторых, даже самое примитивное земледелие даёт возможность резко повысить плотность населения [3, с. 5; 40, с. 7; 2, с. 15] в результате отмены искусственного ограничения рождаемости [39, с. 6]. Согласно подсчётам Кояма Сюдзо, пищевая ценность различных продуктов питания (в *калориях*), которые можно добыть, в расчёте на одинаковую *единицу площади* промысловых и хозяйственных угодий, такова: мясо оленя – 1, мясо пресноводных рыб – 24, жёлуди – 342, мясо форели восточной – 414, *рис – 1012* [28, с. 54, п. 7]. Этим объясняется тот демографический взрыв в Японии после перехода к производящему хозяйству (в период *яёй*, IV век до н.э. – III век н.э.).

Таким образом, распространение носителей гаплогруппы O сопровождалось быстрым ростом энеолитической культуры, увеличением производства риса и ростом численности населения Японии [см.: 42, р. 56; см. также: 48, р. 480-495].

Литература:

1. Арутюнов С.А. Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии: Восточно-азиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 137-175.
2. История Востока. М.: Высш. шк., 1993. Т. I. 496 с.
3. Возникновение и развитие земледелия. М.: Наука, 1967. 232 с.
4. Воробьев М.В. Древняя Япония. М.: Изд. вост. лит., 1958. 119 с.
5. Воробьев М.В. Япония в III-VII веках. М.: Наука, 1980. 344 с.

6. Деопик Д.В., Крюков М.В. Древнеяпонские государства // История древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высш. шк., 1988. С. 396-398.
7. Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991. 158 с.
8. Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев. М.: Наука, 1979. 182 с.
9. Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си 図説日本庶民生活史. Токио 東京: Кавадэ сёбб синся 河出書房新社, 1962. Т. I. 251 с.
10. Дьяконова Е.М. Древняя Япония. // История древнего мира: упадок древних обществ. М.: Наука, 1989. С. 211-219.
11. Жарков В. Умельцы из Срединного государства // Дорогами тысячелетий. М.: Молодая гвардия, 1989. Кн. 3. С. 23-69.
12. Иофан Н.А. Культура древней Японии. М.: Наука, 1974. 261 с.
13. История древнего Востока. М.: Наука, 1988. Ч. 2. – 623 с.
14. История народов Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1986. 580 с.
15. История первобытного общества. М.: Наука, 1986. Т. II. 574 с.
16. История первобытного общества. М.: Наука, 1988. Т. III. 566 с.
17. Исэки сэйби сирё 遺跡整備資料. Нара 奈良: Нара кокуруцу бункадзай кэнкюдзё 奈良国立文化財研究所, 1982. Т. III. 72 с.
18. Камэи Киёси 亀井清. Кодай-но тэцу 古代の鉄 // Асёка-но рэкийси то бунгаку 飛鳥の歴史と文学. Киото 京都: Синсиндō сьуппан 駸々堂出版, 1980. Вып. 1. С. 263-299.
19. Конрад Н.И. Япония: народ и государство. Пг.: Наука и школа, 1923. 168 с.
20. Кудзира Киёси 鯨清. Нихон-коку-тандзё -но надзо 日本国誕生の謎. Токио 東京: Нихон бунгэйся 日本文芸社, 1978. 268 с.
21. Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. М.: Высш. шк., 1988. 432 с.
22. Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971. 236 с.
23. Лисовой Н.Н. Сквозь века, традиции и стили // Искусство стран Востока. М.: Просвещение, 1986. С. 269-298.
24. Маки Кэндзи 牧健二. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай 第二・三世紀における倭人の社会 // Сирин 史林. Киото 京都, 1962. Т. 45, № 2. С. 1-36.
25. Массон В.М. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970. С. 49-57.
26. Мацумото Сэйтё 松本清張. Сэйтё-цүси 清張通史. Токио 東京: Кōданся 講談社, 1978. Т. III. 268 с.
27. Мацумото Сэйтё 松本清張. Сэйтё-цүси 清張通史. Токио 東京: Кōданся 講談社, 1978. Т. IV. 289 с.
28. Мещеряков А.Н. Внешний фактор в истории культуры Японии // Азия – диалог цивилизаций. СПб.: Гиперион, 1996. С. 17-55.
29. Мещеряков А.Н. Древнеяпонская цивилизация // Древние цивилизации.

М.: Мысль, 1989. С. 280-287.

30. Мори Киёто 森清人. Нихонсинси 日本新史. Токио 東京: Кинсэйся 錦正社, 1962. 366 с.

31. Мураяма Кэндзи 村山健二. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку 誰にも書けなかった邪馬台国. Токио 東京: Кōсэйсюппан-ся 佼成出版社, 1980. 284 с.

32. Народы Восточной Азии. М.-Л.: Наука, 1965. 1028 с.

33. Нихон дзэнси 日本全史. Токио 東京: Тōкē-дайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1958. Т. I. 321 с.

34. Нихон-но кэнгоку 日本の建国. Токио 東京: Тōкē-дайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1957. 246 с.

35. Сано Ямато 佐野大和. Нихон-но акэбоно 日本のあけぼの. Токио 東京: Сēхō сэтэн 小峰書店, 1959. 282 с.

36. Светлов Г.Е. Путь богов: синто в истории Японии. М.: Мысль, 1985. 240 с.

37. Уэда Масааки 上田正明, Мори Кōити 森浩一, Ямада Мунэмуцу 山田宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. Токио 東京: Тикума сёбо 筑摩書房, 1980. viii, 334 с.

38. Черных Е.Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука, 1987. С. 229-255.

39. Шилюк Н.Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества. Свердловск: Изд. Ур. ун-та, 1982. – 83 с.

40. Шилюк Н.Ф. История древнего мира. Ч. I: Древний Восток. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 244 с.

41. Farris W.W. Population, disease and land in early Japan. Cambridge–London: Harvard University Press, 1985. 235 p.

42. Hammer M.F., Karafet T.M., Park Hwayong, Omoto Keiichi, Harihara Shinji, Stoneking M., Horai Satoshi. Dual origins of the Japanese: common ground for hunter-gatherer and farmer Y chromosomes // Journal of Human Genetics. Vol. 51. 2006. No 1 (January). P. 47-58.

43. Hudson Mark J. Rice, bronze, and chieftains – an archaeology of Yayoi ritual // Japanese journal of religious studies. 1992. No 19/2-3. P. 139-189.

44. Kidder J.E. Ancient Japan. Oxford: Elsevier–Phaidon, 1977. 152 p.

45. Kim Soon-Hee, Kim Ki-Cheol, Shin Dong-Jik, Jin Han-Jun, Kwak Kyoung-Don, Han Myun-Soo, Song Joon-Myong, Kim Won, Kim Wook. High frequencies of Y-chromosome haplogroup O2b-SRY465 lineages in Korea: a genetic perspective on the peopling of Korea // Investigative Genetics. 2011. No 2:10. P. 1-11 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.investigativegenetics.com/content/2/1/10> (дата обращения: 30.10.2018).

46. Munsterberg H. The arts of Japan: an illustrated history. Tokyo: Charles E. Tuttle Co., 1988. 201 p.

47. Nish I. A short history of Japan. New York – Washington: Praeger, 1968. 238 p.

48. Nonaka I., Minaguchi K., Takezaki N. Y-chromosomal binary haplogroups in the Japanese population and their relationship to 16 Y-STR polymorphisms // Annals of Human Genetics. 2007. No 71. P. 480-495.

49. Ōbayashi Taryō. The origins of Japanese mythology // Studies on ancient

Japanese history (Acta Asiatica, No 31). Tokyo: Tōhō gakkai, 1977. P. 1-23.

50. Seyock Barbara. The Hirabaru site and Wajinden research: Notes on archaeology of the kings of Ito // Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasien e.V. Universität Hamburg. 2003. No 173-174. P. 207-225.

51. Tsuda Noritake. Handbook of Japanese art. Tokyo: Tuttle Publishing, 1991. 525 p.

52. Vargö L. Social and economic conditions for the early Japanese state. Stockholm: Stockholm University, 1982. 189 p.

53. Young John. The Location of Yamatai: a case study in Japanese historiography 720-1945. Baltimore: The Johns Hopkins press, 1958. – 189 p.

© Суровень Д.А.